

Эжен-Франсуа Видок

ЗАПИСКИ
НАЧАЛЬНИКА
ПАРИЖСКОЙ
ТАЙНОЙ ПОЛИЦИИ

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
В 42

Eugène-François Vidocq
MÉMOIRES DE VIDOCQ:
CHEF DE LA POLICE DE SÛRETÉ

Перевод с французского Л. М. и О. Ш.

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Егора Саламашенко

Текст печатается по изданию: Записки Видока,
начальника парижской тайной полиции: В 3 т. СПб., 1877.

ISBN 978-5-389-32809-9

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Мало кому на долю выпадало столько невероятных приключений,
сколько их выпало Эжену-Франсуа Видоку — бывшему каторжнику,
а впоследствии начальнику парижской тайной полиции.*

Во все времена существовали натуры, одаренные богаче других, с большей энергией и большими задатками; эти люди, смотря по тому, в какую сферу занесет их судьба, делаются героями или злодеями, в том и другом случае оставляя глубокий след за собою. Но какова бы ни была их роль на свете, они далеки от обыденной пошлости и, как все выходящее из ряда, невольно привлекают всеобщее внимание, возбуждают любопытство и поражают воображение масс.

К числу подобных исключительных закаленных личностей принадлежит герой этой истории; это, можно сказать, легендарный герой французского народа, столь живо и надолго увлекающегося качествами — телесной силой, храбростью и тонким, хитрым умом; это актер социальной комедии, воспоминание о котором свежо в народе, тогда как множество эфемерных знаменитостей предано забвению. Таков был Видок, начальник охранительной полиции.

Правда, известностью своей он частью обязан тому, что в ряду злоумышленников вел борьбу с обществом. Его необыкновенные приключения, смелые предприятия, хитрости и многочисленные побеги могли бы наполнить не один роман. Но если бы дело ограничилось этим, то известность его не превзошла бы известности Колле, Куаньяра и других подобных злодеев, имена которых, нераздельно связанные с тюрьмой и острогом, запечатлены позором и служат только предметом вредного любопытства. Видок же несравненно выше этих героев уголовного суда, быстро кончавших свою блистательную эпопею висели-

цей, тем, что он захотел восстановить свое честное имя, вооружившись против своих соучастников, и положил свои исключительные способности, свою дорого приобретенную опытность и неустрашимую энергию на службу обществу.

Вследствие этого вторая половина жизни Видока еще более богата приключениями, еще интереснее первой. Это целая история погони за ворами. Охота на воров представляет весьма сложную науку, и трудно представить себе, какого умственного напряжения, каких замечательных способностей требует она. Что такое пред этой необыкновенной борьбой борьба таможенного чиновника и контрабандиста? А между тем таможенный досмотрщик должен заранее вообразить себе все, что может изобрести плодovitая хитрость его противника; должен предугадать его тайные намерения, сообразить, что мог бы придумать он сам, если бы был на месте этого *другого*, если бы сам был контрабандистом; должен противопоставить свое терпение, неустрашимость, всю свою пронизательность постоянству, воле и сообразительности преследуемой им жертвы; словом, он поражает развившееся и законченное искусство контрабанды искусством более превосходным, ежедневно обогащающимся новыми наблюдениями и логикой событий.

Настоящий полицейский чиновник должен владеть этим высшим искусством в полнейшей степени, и, кроме того, этот полицейский Протей должен усвоить себе ловкие и развязные манеры гнусного обитателя грязных подвалов, его удивительные инстинкты, как бы заимствованные у кошки и змеи; проворство пальцев, ловкость руки, верность глаза, испытанная храбрость, осторожность, хладнокровие, плутовство и непроницаемая маска истинного злодея — вот качества, необходимые искусному агенту общественной безопасности. Для успешного хода дела ему нужно, наравне с преступником, набить руку в мошенничестве, выучиться искусству вырывать тайны у чувствительных людей, заставляя их плакать над воображаемыми несчастьями, неподражаемому искусству притворяться и менять наружность во всякий час дня и ночи; у него должен быть неистощимый запас средств, бойкий язык, непоколебимое бесстрашие и терпение, изобретательная голова и рука, всегда готовая действовать.

Эти исключительные качества, обыкновенно принадлежащие порознь различным личностям, Видок соединял в себе все и в выс-

шей степени: ни один актер не мог сравниться с ним в искусстве гримироваться и разыграть какую угодно роль; для него было игрушкой мгновенно изменить возраст, физиономию, манеры, язык и произношение. Даже при дневном свете, переодетый, он бесстрашно подвергался опытному глазу жандармов, полицейских комиссаров, тюремных сторожей и даже прежних соучастников, людей, с которыми жил и от которых ничего не имел тайного. Несмотря на свой высокий рост и дородность, он умел переодеваться даже женщиной. Кроме того, этот странный человек при железном темпераменте имел в своем распоряжении весьма терпеливый желудок, который позволял ему переносить продолжительный голод и предаваться всевозможным излишествам; он мог после обильного обеда с притворной жадностью истреблять самые крепкие напитки и самые непереваримые кушанья.

Что бы ни думали о Видоке, который, впрочем, никогда и не метил попасть в святые, но нельзя отрицать того, что в качестве главы охранной *бригады* он оказал громадные услуги, очистив Париж более чем от двадцати тысяч злодеев всевозможных категорий. Для достижения такого результата ему нужно было ежедневно в течение двадцати лет составлять комбинации утонченнее любого дипломата, постоянно подвергать свою жизнь опасностям, во сто раз ужаснее опасностей битв, и притом подвергать хладнокровно, без энтузиазма сражающихся, без всякой надежды на ореол победителя. В своей беззаботности счастливые граждане не подозревают о тайной борьбе, непрерывно происходящей для доставления безопасности и благосостояния, которыми они наслаждаются.

Понятно, что жизнь столь знаменитого в своем роде человека, как Видок, рассказанная им самим, не могла не быть приманкой, на которую бросилась толпа, жадная до ощущений; и действительно, записки Видока, изданные им в 1828 году, после его отставки, были расхвачены с беспримерной быстротой. Это было первое сочинение, поразительным образом раскрывшее изнанку цивилизации, мрачную тюремную жизнь и внутренность острогов, знакомящее с выразительным языком воров, который с тех пор так много искажали. Это был животрепещущий реализм, внезапно представший пред обществом, пресыщенным сентиментальными пустячками. Электрические листки читались

наперерыв и потрясали людей с утонченными нервами. Только и было разговору о «Записках» Видока.

Весьма естественно, что столь громадный, повсеместный успех не замедлил породить корыстолюбивых подражателей. Вскоре появились «Записки каторжника, или Разоблаченный Видок», постыдная спекуляция, в которой два литератора не побрезгали соединиться с выходцем из *грязи* острога и мошеннических притонов. Эти четыре тома клеветы, лжи и оскорблений, высказанных, соответственно содержанию, самым плоским, неприличным слогом, мгновенно завладели доверием публики и вошли в славу. Но реакция не замедлила произойти, и общее презрение справедливо обрушилось на это пасквильное произведение, всеми теперь забытое и погребенное в заслуженной тине.

Позднее, в 1844 году, была сделана новая попытка в подобном же роде. Книжный торговец Кадо издал «Настоящие парижские тайны». Это было сочинение двух литераторов, Горация Рессона и Мориса Алоя, более известных в качестве мистификаторов, чем как серьезных писателей. Эта книга, которой Видок подарил только свое имя, имела целью, как гласили объявления и рекламы, затмить славу «Парижских тайн» Евгения Сю заменой его воображаемых героев настоящими типами, его вымышленных событий истинными фактами, раскрывая все загадочное и всю нищету столицы.

К несчастью, у обоих авторов этих блестящих обещаний не было и тени мощного гения романиста, с которым они вздумали состязаться. «Настоящие парижские тайны» были слабым отголоском, бесцветным подражанием «Записок» Видока; они были лишены всякого интереса и не имели священного огня, одушевлявшего первое издание. Вместо неожиданностей и обещанных открытий в них находили только вещи всем известные, события обыденные, описание одного и того же. Публика встретила эти плутовские тайны полнейшим равнодушием, и они потонули во мраке забвения, тогда как меткие типы Евгения Сю живы до сих пор, а успех «Записок» Видока приостановился только вследствие распродажи изданий.

В настоящее время царит большое пристрастие к фельетонным романам, сюжет которых — отыскание и открытие человека, совершившего какое-либо великое преступление. Главный недостаток этих труженических сочинений, материал для кото-

ПРЕДИСЛОВИЕ

рых обыкновенно почерпался из старых знаменитых процессов, был тот, что авторы слишком растягивали содержание, так что читатель, заинтересованный вначале, теряется потом в запутанных подробностях, которым нет конца. Эти произведения никогда не достигали обаяния действительности и блекли перед настоящими, очевидными фактами, как ночные иллюзии блекнут при сиянии дня.

Нам кажется своевременным перепечатание «Записок» Видока, мало известных новому поколению. Мы надеемся, что это возобновление правдивой драмы с многочисленными сценами, потрясающими неожиданностями будет принято благосклонно. Публика не может не заинтересоваться этой борьбой порядка с беспорядком, добра со злом, борьбой, ведущейся с основания мира и могущей кончиться только вместе с ним. В предлагаемом сочинении взяты самые интересные эпизоды этой мировой драмы. Его прошедший успех служит гарантией будущего.

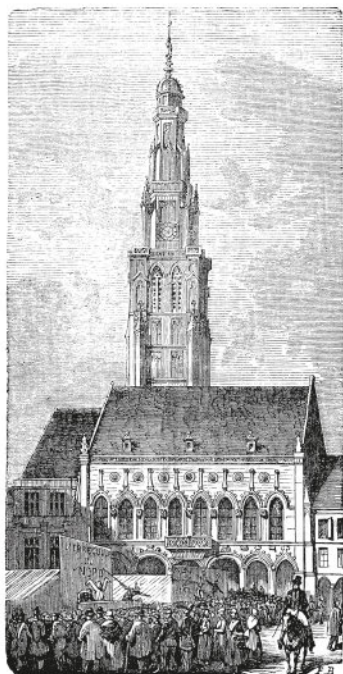
ГЛАВА ПЕРВАЯ

Знаменательные приметы моего появления на свет. — Атлетическое сложение и раннее, преждевременное развитие. — Достодолжное упражнение своих способностей как в счастливые времена детства, так и впоследствии, в качестве хлебного подмастерья. — Первое вооружение. — Поддельный ключ. — Предательские цыплята. — Похищение серебра и заключение в тюрьму. — Материнская снисходительность. — Наконец отец мой взялся за ум. — Новый грабеж и бегство из Арраса. — Поиски корабля, встреча с великодушным незнакомцем и плачевные ее последствия. — Г-н Комус, первый физик в свете. — Акробаты. — Пребывание в их среде, обучение их искусству и достославный финал в качестве дикаря с южных морей. — Новые покровители и комичная сцена ревности. — Поступление на службу к бродячему врачу. — Возвращение в родительский дом. — Знакомство с актрисой и новое бегство из дома. — Поступление в полк и побег из него. — Я перехожу в неприятельский лагерь. — Немецкая расправа и поступление под отечественные знамена. — Любовь экономки, обвинение и две дуэли в один день. — Рана на войне. — Переход в другой отряд. — Возвращение на родину

Я родился в Аррасе, близ Лилля. Так как возраст мой определить довольно трудно вследствие моих постоянных перерываний, подвижности черт лица и необыкновенной способности гримироваться, то не лишним будет сказать, что это было 23 июля 1775 года в доме, соседнем с тем, в котором шестнадцать лет тому назад родился Робеспьер. Была мрачная ночь; дождь лил ручьями; гром гремел, и родственница, исполнявшая должность акушерки и вместе гадалки, заключила из этого, что судьба моя будет весьма бурная. В те времена еще немало было простаков, веривших в предсказания; да и теперь, когда люди отличаются большим просвещением, мало ли таких, которые, не будучи кумушками, верят в непогрешимость девицы Ленорман!

Как бы то ни было, надо думать, что не для меня, собственно, разбушевалась природа, и хотя чудесное весьма привлекатель-

но, но я далек от предположения, чтобы там, свыше, сколько-нибудь заботились о моем появлении на свет. Я был одарен могучим сложением, материалу не пожалели, так что при рождении мне можно было дать года два; уже тогда были задатки тех атлетических форм, того колоссального роста, которые впоследствии наводили ужас на самых неустрашимых, самых сильных злодеев. Дом моего отца стоял на плац-параде, куда постоянно собирались мальчишки со всего квартала, и я с ранних лет мог упражнять мои мускульные способности, усердно потчывая тумачами своих товарищей, родители которых, без сомнения, приносили жалобы моим. У нас только и толков было что об ободранных ушах, подбитых глазах и разодранной одежде.

В восемь лет я был ужасом собак, кошек и соседних ребятишек; в тринадцать я довольно порядочно владел рапирой. Отец, видя, что я шлююсь к гарнизонным солдатам, встревожился таким прогрессом и объявил мне, чтоб я готовился к первому причастию. Две благочестивые особы взялись готовить меня к этой торжественной церемонии. Бог вещь какую пользу извлек я из их уроков. В то же время я начал учиться булочному мастерству: это была профессия отца, который готовил меня своим преемником, хотя имел сына старше.

Обязанность моя состояла главным образом в разноске хлеба по городу, что давало мне возможность часто забегать в фехтовальную залу; хотя родители знали об этом, но кухарки так восхваляли мою любезность и аккуратность, что они смотрели сквозь пальцы на многие шалости. Такое снисхождение продолжалось до тех пор, пока они убедились насчет дефицита своей казны, которая никогда не запиралась. Брат, участвовавший вместе со мною в ее расхищении, был пойман на месте преступления

и отправлен к булочнику в Лилль. На другой день после этого распоряжения, причины которого мне не объяснили, я, по обыкновению, вознамеривался запустить руку в благодатный ящик, как увидел, что он был тщательно заперт. В то же время отец объявил мне, чтобы я попроворнее совершал свою разноску и возвращался в определенный час. Очевидно было, что с этих пор я был лишен и денег, и свободы. Горюя об этом двойном несчастье, я поспешил сообщить его одному из приятелей, по имени Пуаян, который был старше меня. Так как в конторке сделано было отверстие для опускания денег, то он посоветовал мне просунуть туда воронье перо, намазанное клеем; но это замысловатое средство могло мне доставить только мелкую монету, что было весьма недостаточно, и оставалось прибегнуть к подделке фальшивого ключа. Приятель порекомендовал мне для этой цели сына городского. Я снова стал расхищать отцовские доходы, и мы вместе наслаждались плодом этих покраж в одной из таверн, сделавшейся нашим главным местопребыванием. Туда собиралось изрядное число известных негодяев и несколько несчастных молодых людей, которые, чтобы иметь туго набитый карман, прибегали к таким же средствам, как и я. Вскоре я сошелся с распутнейшими личностями местности, и они посвятили меня в свой разврат. Таково было почтенное общество, в котором я проводил свои досуги до тех пор, пока отец не поймал меня так же, как и брата, в момент покражи. Он отобрал у меня ключ, сделал мне приличное наказание и принял такие предосторожности, что с этого времени нечего было и помышлять о разделении его барышей.

Мне не оставалось другого источника, как собирать дань натурою с домашней провизии. От времени до времени я спроворивал по нескольку хлебов, но, чтоб отделаться от них, я должен был продавать их по ничтожной цене, которая едва давала мне возможность угощаться тортами и медом. Нужда научит калачи есть; ничто не ускользало от моих глаз, и все было пригодно: вино, сахар, кофе, напитки. Мать моя еще не замечала быстрого исчезновения своих запасов, может быть, она и долго бы не догадалась, куда они деваются, как однажды два цыпленка, которых я вознамерился конфисковать в свою пользу, возвысили против меня свой голос. Засунутые под исподнее платье и скрытые моим передником, они вдруг принялись пищать, высовывая свой

гребень, и мать, предупрежденная таким образом об их похищении, немедленно явилась на выручку. Я получил несколько оплеух и должен был лечь без ужина. Спать я не мог, и, видно, злой дух не давал мне заснуть. Как бы то ни было, я встал с твердым намерением поживиться серебром. Одно меня беспокоило: на каждой вещи была полными буквами вырезана фамилия Видока. Пуаян, которому я открылся и в этом, устранил все трудности, и в тот же день за обедом я стащил десять приборов и столько же кофейных ложек. Двадцать минут спустя все было заложено, а через два дня из занятых ста пятидесяти фунтов не было ни полушки.

Трое суток я не показывался в родительский дом, как раз вечером был остановлен двумя городскими и отведен в Бодэ, дом, куда заключали сумасшедших, подсудимых и мошенников. Десять дней продержали меня в тюрьме, не объявивши даже причин ареста; наконец тюремный сторож сказал, что я был заключен по требованию отца. Это меня несколько успокоило: то, стало быть, родительское исправление, и можно было надеяться, что со мной не поступят строго. На следующий день навестила меня мать, и я получил от нее прощение; через четыре дня я был свободен и принялся за прежнюю работу с твердым намерением вести себя безукоризненно. Тщетное намерение!

Я вскоре возвратился к старым привычкам, исключая расточительности, так как было немало причин, препятствовавших мне задавать тоны: отец, дотоле довольно беспечный, сделался столь бдительным, что годился бы в начальники городской стражи. Если ему являлась необходимость оставить конторку, мать его немедленно заменяла; мне не было никакой возможности к ней подойти, хотя я постоянно был настороже. Эта неусыпная бдительность приводила меня в отчаяние. Наконец один из тавернских товарищей сжалился надо мною; то был все тот же Пуаян, отъявленный негодяй, подвиги которого памятливым жителям Арраса.

— Нужно быть очень глупым, чтоб оставаться постоянно на привязи! — воскликнул он. — И как пристало малому твоих лет не иметь гроша за душой! Да будь я на твоём месте, я знаю, что сделал бы.

— А что бы, примерно?

— Твой отец с матерью богаты, какая-нибудь тысяча галеров, более или менее, не составит для них разницы. Старые скряги, поделом им! Не мешает возле них погреть руки.

— Я понимаю, что, по-твоему, надо хапнуть разом, коли нельзя по мелочи.

— Именно так, а там задать тягу, так чтобы не осталось ни слуху ни духу.

— Да, только ты забываешь объездный караул.

— Ничего не значит! Разве ты им не сын? Притом мать тебя слишком любит.

Это соображение о материнской любви, подкрепленное воспоминанием ее снисходительности при моих недавних проказах, сильно подействовало на меня, и я слепо ухватился за план, улыбающийся моей дерзкой смелости; оставалось только привести его в исполнение, а случай не заставил себя долго ждать.

Раз, когда мать была одна дома, явился подосланный от Пуаяна, разыгрывающий роль честного человека, принимающего в ней участие, и предупредил ее, что, вовлеченный в оргию с проститутками, я вздумал всех колотить, все ломать и бить и что если меня не остановят, то после придется заплатить по крайней мере франков четырехста за убытки.

Мать моя сидела в кресле за каким-то вязаньем; работа выпала у нее из рук, и она без памяти бросилась туда, где предполагала найти меня; место же ей постарались указать в конце города. Так как ее отсутствие не могло продолжаться долго, то мы должны были суметь им воспользоваться. Ключ, который я стащил накануне, дал нам возможность забраться в лавку. Конторка оказалась запертой. Это препятствие почти обрадовало меня: я вспомнил любовь матери, и на этот раз не с мыслью о безнаказанности, а с невольным чувством раскаяния. Я уже думал ретироваться, но Пуаян удержал меня; его дьявольское красноречие заставило меня покраснеть от того, что он называл моей слабостью, и когда он подал мне лом, которым предусмотрительно запасся, я схватил его почти с энтузиазмом. Ящик был взломан, и в нем оказалось около двух тысяч франков; мы их поделили, а полчаса спустя я был один по дороге в Лилль. Вздвигнутый всем происшедшим, сначала я шел весьма скоро, так что по прибытии в Ленц почувствовал сильную усталость и приостановился. Вскоре проезжала наемная карета, в которой я и за-

нял место, а часа через три был уже в столице французской Фландрии, откуда немедленно направился в Дюнкирхен, стараясь поскорее быть подальше, чтобы убежать от преследований.

Я имел намерение посетить Новый Свет, но судьба разрушила этот план: в Дюнкирхенской гавани не было ни одного корабля. Я отправился в Кале, чтобы отплыть немедленно, но с меня спросили цену, превышавшую весь мой капитал; при этом меня обнадежили, что в Остенде будет стоить дешевле вследствие конкуренции. Прибыл я и туда, но капитаны оказались столь же несговорчивыми, как и в Кале. Обезнадеженный вполне, я впал в то отважно-отчаянное настроение, когда человек готов бывает охотно отдаться первому встречному. Не знаю, почему мне вообразилось, что я наткнусь на какого-нибудь добряка, который возьмет меня даром на корабль или, по крайней мере, сделает значительную уступку благодаря моей привлекательной наружности и интересу, внушаемому молодостью. Пока я прогуливался, мечтая таким образом, ко мне подошел человек, ласковое обращение которого подтвердило мою химерную фантазию. Он прежде всего сделал мне несколько вопросов и из моих ответов узнал, что я иностранец, сам же он назвал себя корабельным маклером, и когда я ему открыл цель своего пребывания в Остенде, он стал предлагать мне свои услуги. «Ваша физиономия мне нравится. Я люблю открытые лица, в которых отражаются искренность и веселость нрава. Хотите, я вам докажу это, доставивши почти даровой проезд?» Я поспешил высказать свою благодарность. «Что за благодарности! Когда дело будет сделано, тогда еще пожалуй; надеюсь, это будет скоро, а до тех пор вы, вероятно, будете скучать здесь». Я отвечал, что действительно не нахожу особенных развлечений. «Не хотите ли отправиться со мной в Блакенберг, где мы отужинаем в обществе милейших господ, которые в восторге от французов?» Маклер так был любезен, приглашал так дружелюбно, что было бы невежливо отказать. Итак, я согласился, и он привел меня в дом, где оказались прелюбезные дамы, принявшие меня с тем беззаветным гостеприимством древности, которое не ограничивалось только одним угощением. Вероятно, в полночь (говорю — вероятно, потому что мы уже не считали часов) я почувствовал тяжесть в голове и ногах. Вокруг меня все двигалось и вертелось, так что, не замечая, чтобы меня раздевали, мне показалось, что я на-

хожусь в дезабилье рядом с одной из нимф. Может, это и действительно было так, знаю только то, что я заснул. Меня пробудило сильное ощущение холода. Вместо зеленых занавесок, мелькнувших передо мной как бы во сне, мои полузакрытые глаза видели лес мачт, а кругом раздавались крики, бывающие обыкновенно в приморских гаванях. Я хотел было приподняться и увидел, что лежу между корабельными снастями. Теперь ли я был в бреду или все вчерашнее было сном? Я ощупывал себя, дергал, и когда наконец был на ногах, то убедился, что не брежу и что вместе с тем не принадлежу к тем привилегированным существам, к которым счастье приходит во время сна. Я увидел себя полураздетым, и, исключая двух талеров, запрятанных в кармане исподнего платья, у меня не оказалось ни гроша. Тогда мне сделалось ясным, что действительно, по желанию маклера, *мое дело было скоро сделано*. Я был в неописанной ярости, но на ком искать? Я не мог бы даже указать места, где меня так ловко обчистили. Пришлось смириться и отправиться в гостиницу, где оставалось еще кой-какое платье, которое могло пополнить мой туалет. Мне незачем было сообщать хозяину о своем приключении: он, едва завидя меня издали, прямо встретил следующими словами: «Ай-ай-ай! Вот и еще один! Знаете ли, молодой человек, что вы еще счастливо отделались? У вас целы все члены, а это большое благополучие, когда выходят из подобного гнезда. Теперь вы имеете понятие о наших musicos. А каковы там сирены-то?.. Что делать, на то и щука в море, чтоб карась не дремал. Держу пари, что у вас нет более ни монетки». На эти слова я с гордостью показал ему свои два талера. «Ну, вы этим расплатитесь за продовольствие». И тотчас же он мне представил свой счет. Я заплатил и простился с ним, не покидая, однако, города.

Понятно, что путешествие в Америку было отложено в долгий ящик, и мне суждено было пресмыкаться на старом континенте; мне приходилось коснеть на самой низшей ступени цивилизации, и будущее тем более меня беспокоило, что у меня совсем не было средств в настоящем. У отца я всегда был бы сыт, потому являлось невольное сожаление о родительском крове; печь пекла бы и для меня хлебы, как для всех других, думал я. Вместе с этими сожалениями в уме моем мелькало множество моральных сентенций, которые старались укрепить во мне, приправляя их суеверием, как, например: *не добром нажитое прахом пойдет; что посеешь, то и пожнешь*, и т. п.

В первый раз в жизни я сознал правду этих пророческих наставлений, никогда не утрачивающих своей логичности. Я был под влиянием раскаяния, весьма естественного в моем положении; я стал вычислять последствия моего побега и отягощающих его обстоятельств. Но такое настроение недолго продолжалось; мне не суждено было так скоро попасть на путь истинный. Передо мной открывалась карьера моряка, и я решился поступить на службу, рискуя за одиннадцать франков в месяц раз тридцать в день сломить себе шею, лазая на ванты корабля. Я уже готов был войти в эту новую роль, как вдруг внимание мое было привлечено звуком труб; то была не кавалерия, а паяц со своим чичероне, который, стоя пред балаганом, испещренным вывесками, созывал публику, никогда не устающую забавляться их глупыми шутками. Я пришел при самом начале, и, пока довольно многочисленная толпа выражала свое удовольствие громким смехом, мне пришло в голову, что хозяин балагана может дать мне какую-нибудь должность. Паяц показался мне добрым малым, и я вздумал его избрать своим покровителем. Так как я знал, что предупредительность может быть весьма полезна в этом случае, то, когда паяц сошел со своих подмостков, я догадался, что он хочет выпить, и решился пожертвовать свой последний шиллинг, предложив ему выпить вместе кружку можжевелевой водки. Тронутый такой любезностью, он тотчас же обещал ходатайствовать за меня и тут же представил директору. Это был знаменитый Кот-Комус; он величал себя первым физиком в мире и для объезда провинций соединил свои таланты с натуралистом Гарнье, ученым наставником генерала Жакко, славившимся по всему Парижу прежде и после реставрации. Они содержали труппу акробатов. Когда я предстал пред Комусом, он прежде всего спросил меня, что я умею делать, и на мой отрицательный ответ добавил: «В таком случае поучим тебя; у нас есть и поглупее, а ты мне кажешься довольно смышленным; посмотрим, если у тебя есть способности, то я найму тебя на два года; первые шесть месяцев ты будешь хорошо кормлен и хорошо одет, затем ты будешь получать шестую часть сбора, а после я тебе положу то же самое, что и другим».

И вот я неожиданно попал на новую профессию. С рассветом дня нас разбудил мощный голос хозяина, который повел меня в какой-то чулан. «Вот твое дело, — сказал он, указывая мне на

шкалики и деревянные жирандоли, — ты должен все это убрать и привести в надлежащий вид, слышишь ли? А после вычистишь клетки зверей и подметешь залу». Мне пришлось исполнять приказания не очень приятные, сало было мне противно, и я не совсем ловко себя чувствовал в обществе обезьян, которые, испугавшись моей незнакомой физиономии, делали невероятные усилия, чтобы выцарапать мне глаза. Покончивши все, я явился к директору, который сказал, что позаботится обо мне и что если я буду стараться, то что-нибудь из меня и сделает. Я работал с раннего утра и был голоден как собака; пробило уже десять часов, а о завтраке не было и слуху, хотя при наших условиях положены мне были помещение и стол; я изнемогал от голода, когда мне принесли кусок пеклеванного хлеба, такого черствого, что при всем превосходстве моих зубов и алчности аппетита я не мог доесть его и большую часть выбросил зверям. Вечером я должен был заняться освещением, и так как, по недостатку навыка, не мог действовать при этом с достаточной быстротой, то хозяин сделал мне маленькое наказание, которое повторилось на следующий день и затем ежедневно. Не прошло и месяца, как я пришел в весьма плачевное состояние: мое платье, все в масляных пятнах и разодранное обезьянами, превратилось в лохмотья; насекомые меня поедом ели, от принудительной диеты я так исхудал, что меня нельзя было узнать. Тогда-то возобновились еще с большей горечью сожаления о родительском доме, где я был всегда хорошо накормлен и одет, спал на мягкой постели и не имел надобности возиться с обезьянами.

Таково было положение вещей, когда однажды утром Комус объявил мне, что по надлежащем размышлении о том, на что я более годен, он пришел к убеждению, что из меня выйдет отличный *скакун*. При этом он передал меня на руки г-ну Бальмату, называвшемуся почему-то *чертенком*, которому вменено было в обязанность выдрессировать меня надлежащим образом. При первом же уроке этот достойный наставник едва не сломал мне спины, а я должен был брать два и три урока в день. Недели через три я в совершенстве выделял скачки на брюхе, изображал, как прыгает обезьяна, трус, пьяница и т. п. Восхищенный моими успехами, профессор старался их еще более ускорить... Я постоянно опасался, что из желания развить мой талант он повывихнет мне руки и ноги. Наконец мы дошли до трудностей

искусства, и становилось час от часу не легче. При первой попытке сделать большой прыжок я думал, что разорвал себя пополам; в другой раз разбил себе нос. Изломанный и искалеченный, я получил окончательное отвращение от столь опасной гимнастики и решил объявить г. Комусу, что положительно не намерен быть скакуном. «А, ты не намерен!» — произнес он и, ничего не возражая, порядком отдул меня хлыстом. С тех пор Бальмат перестал со мной заниматься, и я вернулся к своим шкаликам. Итак, г. Комус отступился от меня, и очередь была за г. Гарнье создать мне профессию. Раз поколотивши меня более обыкновенного (г. Гарнье разделял это удовольствие вместе с г. Комусом), он окинул меня с головы до ног и, видимо довольный убавлением моего дородства, произнес: «Я доволен тобой; теперь ты именно такой, каким я желал тебя иметь, и если ты захочешь постараться, то от тебя самого зависит твое счастье; с нынешнего дня ты должен отращивать ногти; волосы твои и так довольно длинны, ты почти нагой, а отвар ореховых листьев довершит остальное». Я совсем не понимал, что хотел сказать этим г. Гарнье. Он же позвал моего друга паяца и велел ему принести тигровую кожу и дубину. Паяц исполнил приказание. «Теперь, — продолжал Гарнье, — мы сделаем репетицию. Ты будешь молодым дикарем с южных морей и вдобавок людоедом; ты ешь сырое мясо, приходишь в ярость при виде крови, при нужде можешь жевать кремнь; можешь только испускать резкие, пронзительные звуки, глядишь вытараща глаза, все движения твои нервны, ты иначе не умеешь ходить, как прыжками и скачками; словом, бери пример с лесного человека, который перед тобою в № 1-м». Во время этой речи передо мной поставили целую миску с маленькими камешками, отлично закругленными, и принесли петуха, которому весьма хотелось освободить свои связанные ноги. Гарнье взял его и, подавая мне, произнес: «Вот, возьми его и ешь». На мое несогласие он принялся грозить; я не слушался и просил немедленного расчета. Вместо ответа мне влетело с дюжину пощечин. Гарнье охулки на руку не положил при этом. Раздраженный подобным обращением, я взял дубину и непременно уколошил бы почтенного натуралиста, если бы вся труппа не бросилась на меня, выгалкивая за дверь градом пинков и кулаков.

С некоторого времени я сходился в одном кабаке с фигляром и его женой, показывавшими марионеток под открытым не-

Видок Э.-Ф.

В 42 Записки начальника парижской тайной полиции / Эжен-Франсуа Видок ; пер. с фр. Л. М. и О. Ш. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 864 с. : ил. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-32809-9

Судьба Эжена-Франсуа Видока (1775–1857) поистине удивительна. Сын булочника из заштатного французского городка, преступник, не раз попадавший за решетку и не раз спасавшийся бегством из тюрьмы, оказался выдающимся сыщиком, чье имя известно во всем мире.

Дело в том, что, шантажируемый бывшими сокамерниками, рискуя вновь лишиться свободы, Видок решился на отчаянный шаг и предложил свои услуги парижской полиции. Он сформировал особую бригаду из бывших уголовников, руководствуясь принципом: «Только преступник может раскрыть преступление».

Видок внес огромный вклад в криминалистику: это он придумал составлять картотеку преступников на основе словесных описаний, сохранять отпечатки обуви с помощью гипсовых форм, проводить следственные эксперименты и многое другое. А еще он учредил бюро частного сыска, став одним из первых частных детективов.

Видок послужил прототипом многих литературных героев, о нем сняты фильмы (роль Видока исполняли такие актеры, как Жерар Депардьё и Венсан Кассель). И все-таки биографию этого незаурядного человека лучше всего можно узнать из его «Записок», которые также содержат немало интересных подробностей о больших процессах того времени.

Текст печатается в сопровождении иллюстраций из французского издания XIX века.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ЭЖЕН-ФРАНСУА ВИДОК
ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА
ПАРИЖСКОЙ
ТАЙНОЙ ПОЛИЦИИ

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Подготовка иллюстраций Екатерины Мишиной, Дмитрия Кабакова
Корректоры Валентина Гончар, Дмитрий Капитонов

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 13.05.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 52,92. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т. ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-1LN-42129-01-R